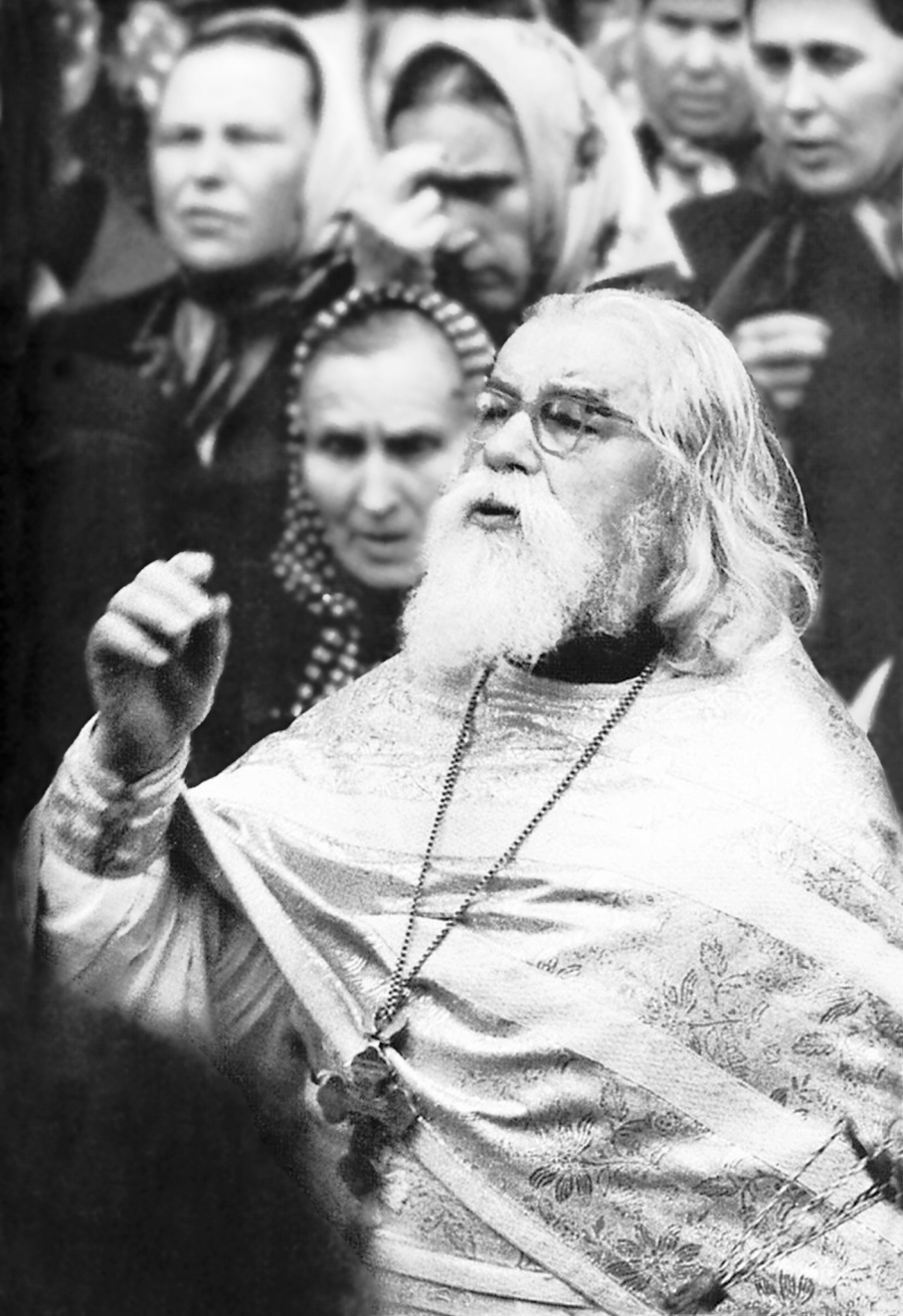

*Ладонью солнце
не закрыть*

*Рассказы об отце Иоанне
(Крестьянские)*

*Для пользы Церкви,
для блага дела*

*Р*ассказы об известном всему Православному миру старце отце Иоанне (Крестьянкине) охватывают большой период его служения в сане иерея. Это годы служения в миру, которые прошли в основном на Рязанской земле (1957–1967). То время было для Православной Церкви временем сложным, противоречивым, но и очень интересным с точки зрения приходской жизни того времени. В конце 1950-х — начале 1960-х годов, когда советская власть насильственно закрывала многочисленные храмы, отец Иоанн (Крестьянкин) говорил: «Не лишим

себя храма, когда можем, но и с собою носить его поучимся. Сердцем упражняйся в незлобии, телом — в чистоте; то и другое сделает тебя храмом Божиим».

Конечно, богоборческие власти могли позакрывать церкви, могли даже разрушить их. Но совершенно невозможно было разрушить дома миллионов верующих, в которых, так же как и в храме, был иконостас. При этом многие из таких домов, при отсутствии в округе храмов, становились местами для богослужений. Известно, что отец Иоанн (Крестьянкин) в соответствующим образом подготовленных рязанских крестьянских избах тайком проводил богослужения — литургии Преждеосвященных Даров — исповедовал, причащал, свершал требы. В тех селениях, где не было храмов, у него появлялись свои «уполномоченные по церковным делам» (в основном женщины), которые приготавливали свою избу к приходу отца Иоанна, чтобы он мог

свершить там требы или отслужить литургию: развешивали иконы, устанавливали в тазы с песком восковые свечи, зажигали самодельные лампадки.

Каждый приход отца Иоанна был праздником и для тех, кто его встречал, и для него самого, ведь он встречался с Божиими людьми, которые не утратили живую веру в Бога. Ни гонения, ни запугивания не сломили простых русских крестьян. Особенно ревностно хранили веру «белые платочки» — так называли женщин, демонстративно носивших в церковные праздники и воскресные дни белые платки как символ своей верности Господу.

К приходу отца Иоанна «белые платочки» собирались в избе «уполномоченной по церковным делам». Если в селе когда-то был храм, то служба начиналась с молебна покровителю этого храма. После молебна батюшка совершал исповедь, соборование и причастие. После службы проводил панихиду.

Рассказы об архимандрите Иоанне (Крестьянкине)

А ведь тогда советской власти казалось, что вот еще немного, еще чуть-чуть, и она сможет показать по телевизору «последнего попа». Властителям думалось, что священники к 1980 году будут не нужны, ведь к тому времени они обязательно воспитают «единый советский народ» в духе «научного атеизма».

Громадная государственная машина по такому «воспитанию» работала в полную силу в то время, когда отец Иоанн служил на Рязанской земле. Давление на Церковь было такое, что некоторые священники отказывались от сана, а верующие публично отрекались от веры. Но вот чудо: прихожан в храмах становилось все больше и больше, а религиозность православных христиан становилась все глубже. Так ответил православный народ на ломку его духовных устоев.

Этот же народ воодушевлял и священников. Того же отца Иоанна (Крестьянкина),

который прибыл на Рязанскую землю после пятилетнего заключения в лагере и двухлетнего служения во Пскове, откуда он тайно уехал из-за возможного повторного ареста. Уехал, не желая того, а по настоянию своего духовного наставника.

Конечно, при желании власти могли арестовать его и в Рязани. Почему этого не произошло, сказать трудно. Однако известно, что во время пребывания на Рязанской земле отец Иоанн находился под постоянным контролем спецслужб. Он знал это, но не боялся. Он верил в Божий Промысл над собой, который считал главным в жизни каждого человека. Впоследствии, уже будучи архимандритом Псково-Печерского монастыря, отец Иоанн, вспоминая о своем служении в миру, не раз говорил:

— Уж чего я только не видел! Чего только не претерпел! Всё, всякие грехи к сердцу прилагались, но душа осталась чиста. Совесть чиста. Как зато теперь хорошо!

Если бы вы знали, как хорошо про все это вспоминать и знать, что я совесть сохранил! От этого на сердце легко и радостно.

Потому и годы, проведенные на Рязанщине, батюшка называл благодатными. Он всегда вспоминал их с благодарностью к Богу и с признательностью к своим прихожанам, которые были простыми крестьянами. У них отец Иоанн никогда не уставал учиться народной мудрости, которая была плодом суровой жизни и детской веры в Бога. Эти люди были просвещены душой, они приоткрывали перед отцом Иоанном глубину своего восприятия жизни в миру. Впоследствии батюшка с умилением вспоминал простую речь рязанских крестьян, которая была исполнена прозрений. Именно общение с простыми верующими рязанцами открывало ему богатство Богом отмеченной души русского народа.

Духовническая деятельность отца Иоанна на Рязанской земле не могла

остаться не замеченной властями. Чтобы оторвать батюшку от прихода, от полюбивших его прихожан, уполномоченный постоянно переводил батюшку из одного храма в другой. За десять лет служения в Рязанской епархии отец Иоанн сменил пять приходов. И на всех указах уполномоченного о переводах батюшки в другой храм стоит приписка Рязанского епископа Николая (Чуфаровского): «Переводится на благо Церкви и на пользу дела». Уполномоченный даже представить себе не мог, насколько эти слова были промыслительны. Казалось бы, какое благо, какая польза могли проистекать от постоянной перемены места служения? Да и откуда было знать ему, атеисту, что такое Божия воля? А вот владыка Николай знал это очень хорошо. «Отогрел души людей на этом приходе — пусть едет отогревать на другом. Возродил этот храм — пусть возрождает другой», — рассуждал он. Так и получалось.

Рассказы об архимандрите Иоанне (Крестьянкине)

Полезьа от таких переводов была очевидна. Храмы, из-за обветшалости готовящиеся к закрытию, восстанавливались, приходская жизнь оживала. Так и шел по Рязанской земле батюшка Иоанн (Крестьянкин) со своим неизменным чемоданчиком-саквояжем из прихода в приход «на благо Церкви, на пользу дела». Возгревал у людей веру, утешал отчаявшихся, ободрял унывающих и возрождал как храмы, так и души рязанцев. И по сути, не только служение в Рязанской епархии, но и вся жизнь батюшки прошла, по слову Рязанского владыки, «на благо Церкви и для пользы дела».

*Матерь Божия
чистоту любит*

*Н*а Рязанскую землю отец Иоанн (Крестьянкин) прибыл из Пскова, откуда был вынужден в буквальном смысле бежать, спасаясь от возможного ареста. Батюшку хотели посадить в тюрьму за активную деятельность по реставрации псковского Троицкого собора. В этот собор он пришел служить после пяти лет заключения в лагерях, куда попал за выполнение своего священнического долга — за воцерковление огромного количества людей. Вот как это сформулировал начальник лагеря, выпуская батюшку на волю:

— Знаете, за что вы сидели? — спросил он у отца Иоанна.

— Нет, не знаю.

— За то, что вы, вместо того чтобы идти за народом, сами повели его за собой.

Однако, вернувшись из ссылки, отец Иоанн остался верен себе. В этом его ободряло и обетование Божией Матерью, Которая явилась ему в заключении и сказала: «Ты будешь нужен людям».

Во Пскове, в Троицком соборе, где ему было определено служить после ссылки, отец Иоанн поновлял не только обветшалый собор, но и души своих прихожан. Он говорил горячие, полные глубокого не только духовного, но и житейского смысла проповеди, проводил личные собеседования, наставлял, утешал и, как мог, материально помогал малоимущим.

За такое дерзновение ему вновь стал грозить арест. Батюшка, предупрежденный об этом, быстро собрал вещи и в одночасье

покинул Псков. Прихожане были разочарованы: «Мы-то думали, он наш истинный пастырь, а он...»

Но нет, отец Иоанн никогда не был ни лицемером, ни трусом. Прошедший в лагерьном заключении через издевательства и пытки, он, не сломленный духом, всегда учил ничего не бояться в жизни, кроме греха. Его прихожане не знали, а отец Иоанн не имел возможности им объяснить, что скрыться от преследований его благословил духовник, игумен Иоанн (Соколов). А послушание и безоговорочную веру в Божий Промысл отец Иоанн (Крестьянкин) ставил в христианстве превыше всего. В своих письмах к духовным чадам он не раз приводил слова царя Соломона: *Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его* (Притч. 16, 9). «Свидетельствую я, — писал батюшка в одном из писем, — что лучшего и вернейшего пути нет, как жить по воле

Божией. А волю Божию нам ясно являют обстоятельства жизни».

Так, в 1957 году обстоятельства жизни привели отца Иоанна в Рязанскую епархию. Поспособствовал в этом духовно близкий ему человек — ключарь рязанского Борисоглебского собора отец Виктор Шиповальников. Отец Виктор был человеком интереснейшей судьбы. Так же как и отец Иоанн, он отсидел срок в советских лагерях. В вину ему вменялось священническое служение на оккупированной немецко-румынскими войсками территории — в Одессе. И он действительно служил в открытой румынами православной церкви. Однако официально его пытались обвинить также и за связь с английской разведкой, чего он даже под пытками категорически не признал. Вспоминая годы своих мытарств по лагерям, отец Иоанн и отец Виктор иногда цитировали слова, написанные неизвестным заключенным:

«Со Христом и тюрьма нам — свобода, без Христа и свобода — тюрьма».

После досрочного выхода из Воркутинского лагеря отец Виктор служил в разных епархиях, пока в 1951 году не был переведен в Рязанскую епархию. Первым местом служения ему был назначен Космодамиановский храм села Летово, что недалеко от Рязани. Но однажды, во время паломничества в киевский Введенский монастырь, он встретился со старицей Ксенией. И она сказала ему: «Скоро Борис и Глеб дадут тебе хлеб». Через два года, в 1953-м, это предсказание сбылось. Отца Виктора перевели на служение в кафедральный Борисоглебский собор города Рязани.

Отец Иоанн (Крестьянкин) познакомился с отцом Виктором Шиповальниковым в 1948 году через духовных чад владыки Николая (Ярушевича), митрополита Крутицкого и Коломенского, первого по времени председателя Отдела внешних церковных

сношений Московского Патриархата. Дело в том, что они оба были духовными чадами владыки Николая. При знакомстве им было о чем поговорить, поскольку оба познали ужас сталинских лагерей. Оба дружелюбные, общительные, с тонким чувством юмора, они сразу подружились и пронесли эту дружбу через всю свою жизнь.

И вот, когда во Пскове на батюшку Иоанна начались гонения, то отец Виктор через Рязанского владыку Николая (Чуфаровского) помог ему перевестись в Рязанскую епархию. Приехав в Рязань, отец Иоанн остановился у женщины по имени Агафья. Агафья жила на окраине города в частном доме и ждала возвращения из заключения знакомого ей священника, отца Всеволода. Точное время его возвращения не было известно, но срок его уже подходил к концу. Как раз вместе с этим отцом Всеволодом к Агафье приехал и отец Иоанн.

Приехали они тайно, поздно вечером. По воспоминаниям Алевтины Мизгиревой, батюшки были плохо одеты, очень худые и подкашливали. За трапезой в доме Агафьи сразу установилась легкая атмосфера. Отец Иоанн рассказывал что-то интересное, был весел, шутил, и всем собравшимся было легко и радостно. «Все сразу почувствовали высокую духовность и какую-то светлую радость, которой нам так не хватало в то тяжелое время, — вспоминает Алевтина Мизгирева. — Мы сразу полюбили батюшку. На наше счастье, он остался служить в Рязанской области, и у нас сохранилась возможность дальнейшего общения с ним».

Первым приходом в Рязанской епархии стал для отца Иоанна (Крестьянкина) Троицкий храм в селе Ясаково Спасского района. По воле Божией именно на Рязанской земле началось проявление духовных дарований батюшки Иоанна (Крестьянкина).

Став обыкновенным сельским священником, он познавал народную жизнь и учился у простого народа духовной мудрости.

Когда прославляют какого-либо святого, в церковном песнопении поется: «По имени и житие твое». Иоанн (Крестьянкин) стал пастырем крестьян. Благодатным пастырем. Само имя Иоанн означает «благодать Божия», а фамилия Крестьянкин происходит от слова «крестьянин», то есть «христианин», как издревле называли русских селян. Таким образом, само имя Иоанна (Крестьянкина), по сути, означает «благодатный христианин».

Митрополит Рязанский и Касимовский Симон (Новиков), возглавлявший Рязанскую кафедру с 1972 по 2003 год, говорил о благодати, что она хотя и невидимая, но видимо проявляется в человеке. «Она видна на его лице, — говорил владыка Симон в одной из своих проповедей, — слышна бывает в разговоре. Как сладка беседа

с таким человеком! Часто одно слово облагодатствованного человека целый камень снимает с наболевшего сердца, и на душе становится так легко, радостно, благодатно!»

Те, кто виделся с отцом Иоанном (Крестьянкиным), в своих воспоминаниях описывают именно такие чувства, о которых говорил митрополит Симон. К примеру, знаменитый художник-реставратор Савва Ямщиков, впервые встретившийся с отцом Иоанном на Рязанской земле, описал его как сияющего, радостного батюшку с доброжелательной улыбкой и искрящимися любовью глазами. Отец Иоанн показался Ямщикову Ангелом, буквально «парящим в воздухе».

Савва Васильевич, будучи творческим человеком с тонкой натурой, увидел в отце Иоанне «Ангела». Но все же в быту, в повседневности, благодатный батюшка был вполне земным человеком, обремененным

жителейскими проблемами и многочисленными священническими обязанностями. Вот обо всем этом — о проявлениях ангельской сущности его души и о тяжести административно-хозяйственных забот — мы и будем рассказывать.

Село Ясаково Спасского района Рязанской области, куда в 1957 году определили на служение отца Иоанна, до 1925 года называлось Троица-Пеленица, а Троицкий храм этого села в древности был соборным храмом существовавшего здесь Троицкого монастыря. В нем находилась чудотворная икона Пресвятой Троицы, по преданию, приплывшая в эти места на пелене. Поэтому и монастырь называли Троице-Пеленицкий. Это же название перешло впоследствии на образовавшееся здесь село.

В 1940 году Троицкий храм был закрыт, а в послевоенные годы возвращен верующим. Его настоятелем стал игумен Дорофей — моряк, воевавший с фашистами

на Северном море. Когда закончилась война, по зову Божию он принял монашество и сан. Отец Иоанн глубоко уважал живую веру отца Дорофея и был в послушании у монаха-настоятеля. «Мы с отцом Дорофеем — как родные братья от одной матери», — часто слышали от него прихожане. Забот у настоятеля и второго священника было невпроворот.

К 1957 году Троицкий храм обветшал до того, что крыша могла обвалиться в любое время. По назначении на служение в нем батюшка Иоанн стал сразу же заботиться о его ремонте. Кроме этого, он решил тайно написать для храма большие иконы. Тогда сделать все это казалось невозможным не только по материальным причинам, но и по причинам чисто политическим, ведь в то время власти не поощряли даже мелкий ремонт храмов.

Однако все это не устрало отца Иоанна (Крестьянкина), и он с присуцим

ему рвением взялся за дело. Материальные трудности разрешились сами собой, после того как из Москвы в Троицкую церковь стали приезжать почитатели отца Иоанна, его бывшие прихожане. Благодаря их стараниям и труду жителей Ясаково за один сезон была отремонтирована крыша и побелены стены храма. А как же могло быть иначе? Ведь верующие молились здесь веками, это намоленное место. Несколько столетий стоял в селе Троице-Пеленицкий монастырь. Не раз горели его деревянные строения, но снова и снова монастырь всем миром отстраивали. Но в конце концов от него остался только Троицкий храм.

Служа в Ясаково, отец Иоанн однажды приятно удивил своих прихожан. Благословясь у настоятеля Троицкого храма игумена Дорофея, он перестал брать вознаграждения за церковные требы. Весть об этом быстро распространилась по Рязанской епархии. Казалось бы, хорошее, благое дело,

однако оно вызвало неодобрение среди некоторых рязанских иереев. Вскоре к отцу Иоанну (Крестьянкину) прибыла делегация от многодетных священников. Они были обеспокоены тем, что теперь прихожане их приходов будут приводить его в пример и требовать бесплатного проведения церковных треб. «Но как же быть нам, многодетным священникам? Нам же детей кормить надо!» — говорили они отцу Иоанну. Батюшка был крайне озадачен и позднее вспоминал этот случай как урок того, что может случиться, когда проявляется ревность не по разуму.

Занимаясь хозяйственной деятельностью и ремонтом Троицкого храма, отец Иоанн, конечно же, понимал, что священник должен обустривать не только храмы, но в первую очередь души людей. Утешать скорбящих, помогать обездоленным.

А время, в которое отец Иоанн начинал свое служение на Рязанской земле, было

скорбное. В селе Ясаково, как и во всей России, была еще не забыта боль утраты тех, кто не вернулся с войны 1941–1945 годов. Много селян оставалось в сталинских тюрьмах, многих загубили лагеря. По воспоминаниям ясаковских старожилов, вдовы и одинокие матери порой голосили по ночам, стоя на коленях перед иконами Христа и Божией Матери. Голосили от тоски и от безысходности своей тяжелой жизни. Людям нужна была духовная помощь. И они получали ее через игумена Дорофея и отца Иоанна, которые питали своих прихожан живой водой веры и любви к Богу.

Прихожанка Троицкой церкви Ольга Бирюля рассказывала, что старые ясаковцы вспоминали батюшку Иоанна (Крестьянкина) со слезами на глазах. Для них он был как светлый Ангел, который спустился с небес на ясаковскую землю. Всех батюшка утешал и отогревал своим добрым

любящим сердцем. По его молитвам вдовы погибших и не вернувшихся с войны обретали веру в спасение семьи и помощь Матери Божией.

«Подойдет, бывало, светлый батюшка к нам, — вспоминала бывшая прихожанка батюшки, раба Божия Л., — всех добрым словом согреет, утешит, погладит своей ладошкой, а кому-то незаметно и денежку в карман положит. А еще он обладал даром целительной молитвы и прозорливости. Молитва его была очень сильная, и были случаи, что она поднимала некоторых больных ясаковцев со смертного одра. Он и сам себя вылечил молитвой, как рассказывал нам сам батюшка Иоанн. Однажды он тяжело заболел, было у него воспаление легких. Врачи лечили его и наказали, чтобы он все кушал. А был пост. Написал он маме своей, а мама дала ответ: “Сынок, родной, умирай, а закон Божий чти”. Стал он молиться о своем спасении Божией Матери

и Спасителю горячей молитвой, кушал картошечку с масличком подсолнечным, когда можно было, вот и спасся.

Еще помню, что, венчая молодых, отец Иоанн со слезами на глазах молился за каждую молодую пару, напутствия давал, просил хранить верность друг другу. Батюшка очень любил маленьких детей, всегда благословлял их, одаривал гостинцами.

Отец Иоанн обладал красивым голосом, очень хорошо пел. Однажды к празднику убирали мы храм, батюшка подошел и говорит:

— Родные мои, убирайте чисто, Матерь Божия чистоту любит. И в храме, и в сердцах. Чистые сердцем Бога узрят.

А потом мы уже слышим наверху, где колоколья, батюшка так красиво запел: “Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах...” И так запел, что нам показалось, что это Ангелы святые поют! Хороший был батюшка, приветливый...

Когда были большие праздники — Рождество или Пасха, он с отцом Досифеем все наше село обходил. А Ясаково тогда было село немаленькое — около ста домов. И во всех домах пели они церковные песнопения, славили Христа и окропляли жилища и их хозяев святой водой. Везде принимали их с радушием, а вот директор колхоза и председатель сельсовета не принимали их. Они коммунистами были и боролись с религией».

Окормляя приход Троицкой церкви, игумен Досифей и отец Иоанн не забывали и про тех, кто не имел возможности ходить в храм. И шли священники в отдаленные деревни и села, где церкви были порушены. Служили молебны, панихиды, исповедовали и причащали запасными Дарами, утешали и ободряли тех, кто не в силах был дойти до Троицкого храма. Впоследствии отец Иоанн рассказывал, как однажды приехал в одно очень далекое село, где

священника не было тридцать лет, и смутился. Селяне в этот день не вышли на работу, были празднично одеты — а ведь шла летняя страда, то есть напряженная работа по заготовке сена! «Ну, не миновать мне беды, — подумал батюшка, — заберут меня в милицию и посадят!» Но по милости Божией тогда все обошлось.

За неустанные труды на ниве Божией, за горячую веру и доброту души настоятель Троицкого храма игумен Дорофей полюбил отца Иоанна, в котором обрел духовного брата. А тот в свою очередь прошел у него монашескую школу послушания. В связи с этим старожилы села Ясаково до сих пор помнят курьезную, но поучительную историю. Однажды в начале Пасхальной седмицы некоторые прихожане пришли в храм к отцу Иоанну с поздравлениями. А игумен Дорофей как раз в этот день по делам в Рязань уехал. Батюшка встретил всех радостный, улыбающийся.

— Как я вам рад, чадца мои! — сказал он. — Вот спасибо, что вы пришли ко мне! Может, потрапезуем вместе? Вы чего-нибудь принесли с собой?

Прихожане опешили, ведь в трапезной стоял большой стол, на котором в честь Пасхи стояли разные угощения. Батюшку спросили, зачем нужно что-то еще, если на столе все есть.

Тогда отец Иоанн и говорит:

— А у меня нет благословения отца Дорофея брать что-либо с этого стола. Он неожиданно в Рязань уехал и ничего мне не сказал...

Вообще, жизнь игумена Дорофея и отца Иоанна походила на скитскую, а службы — на монастырские. Именно в то время в душе отца Иоанна окрепло всегда имевшееся у него желание стать монахом. Но прежде чем принимать такое важное решение, он захотел посоветоваться со старцем тогда еще открытой Глинской пустыни иеросхимонахом

Серафимом (Романцовым). Игумен Дорофей благословил его на поездку туда.

Старец Серафим, проживший двенадцать лет аскетом-отшельником в горах Киргизии и к тому времени уже десять лет бывший духовником братии Глинской пустыни, после первой же встречи признал в отце Иоанне (Крестьянкине) своего духовного сына и стал его наставником. Окрыленным вернулся отец Иоанн в Ясаково. Но здесь его ждало искушение. Некоторые духовные чада отца Иоанна, приехавшие к нему в Ясаково из Москвы, вдруг почему-то оказались недовольны игуменом Досифеем. До того недовольны, что тайно от отца Иоанна написали Рязанскому владыке архиепископу Николаю (Чуфаровскому) жалобу на настоятеля ясаковского Троицкого храма. Владыка Николай вызвал отца Дорофея для объяснения. Вернувшись из Рязани, отец Досифей стал горько упрекать ничего не понимающего отца Иоанна.

Когда же выяснилось, в чем дело, отец Иоанн был потрясен происшедшим. Отец Дорофей наказал ему, чтобы он запретил своим духовным чадам приезжать в Ясаково. Батюшка исполнил послушание, данное ему настоятелем Троицкого храма. Отсылая провинившихся с прихода и на шесть месяцев отлучая их от общения с собой, отец Иоанн с горечью сказал:

— Я два года любовью и заботой согревал отца Дорофея, а вы по неразумию и своеволию разрушили то, чего мне удалось достичь большим душевным трудом...

И все-таки отношения между двумя священниками восстановились. Христианское смирение и понимание, что это был искус, победили вспыхнувший у игумена Досифея гнев. Их примирению способствовал и отец Виктор Шиповальников, навещавший своего друга отца Иоанна в Ясаково. Сблизился отец Виктор и с игуменом Досифеем. Они оба были фронтовики и нередко

рассказывали друг другу истории из военной жизни. Супруга отца Виктора матушка Мария говорила, что он часто вспоминал Божию помощь, которая была ему послана во время войны. Вот что, как она рассказывала, вспоминал отец Виктор:

«В 1941 году наша дивизия оказалась в окружении под Одессой. Многих, в том числе и меня, немцы взяли в плен. Я стал лихорадочно думать, как бы совершить побег. И вот, когда нас под конвоем проводили по Одессе и вели мимо кладбищенской церкви, я увидел большую канаву. “Все равно где умирать, — подумал я тогда, — здесь, в канаве, или же в плену”.

“Господи, помоги”, — сказал я тогда про себя, перекрестился и прыгнул в канаву. Конвой был плотный, и, казалось бы, этот прыжок не мог остаться незамеченным. Но Господь уберег меня от неминуемой смерти. Конвоиры ничего не заметили. Когда колонна ушла далеко вперед, я выполз из канавы

и пришел в церковь. Прислуживавшие там монахини нашли мне светскую одежду и уголок для проживания. Так я спасся».

Со своей стороны игумен Досифей рассказывал историю о том, как держал на руках смертельно раненного друга. Тот, умирая, попросил его взять на воспитание его сына. И отец Досифей выполнил эту просьбу. После войны он с сыном своего погибшего друга жил в Прибалтике, где восстанавливал храм. За это его арестовали и посадили в тюрьму.

А отец Иоанн не воевал. Из-за плохого зрения он не был призван в армию, но, так же как и его друзья-сомолитвенники, побывал в заключении. Все они порой предавались воспоминаниям о перенесенных в тюрьме тяготах. Отец Виктор, вспоминая о своих мытарствах, рассказывал, как следователь, добиваясь его признания о сотрудничестве с иностранными спецслужбами, бил его кочергой по затылку и таскал

за длинные волосы из угла в угол... Хотя от него так и не добились признания в шпионаже, его все же осудили на пять лет лагерей как «социально опасного элемента» и этапом отправили в Воркуту, на реку Печору.

Отец Иоанн (Крестьянкин) тоже не раз вспоминал о перенесенных им допросах, во время которых следователь переломал ему все пальцы. А звали следователя так же, как и отца Иоанна, — Иван Михайлович. На допросы он, как правило, вызывал по ночам. Накануне кормили только селедкой, пить не давали. И вот ночью Иван Михайлович наливает себе воду из графина в стакан, а несчастный священник, прошедший без сна несколько суток и ослепляемый светом лампы в комнате следователя, томится страшной жаждой и выслушивает вопросы следователя. «Расскажи нам все — и ты будешь освобожден от мучений» — таков был смысл проводимых допросов.

Но рассказывать было нечего. И отец Иоанн не признавал себя виновным ни в чем.

Следствие по его делу длилось полгода. Полгода пыток и допросов. А впереди обозначилась новая ступень испытаний — лагерь строгого режима. Там, находясь в сложнейших условиях, батюшка не потерял теплоту любви, простоту и доброжелательность, которые он проявлял ко всем заключенным. За эти качества характера батюшки даже воры в законе и тюремная шпана относились к нему сочувственно и называли его с уважением «батя».

Один из солагерников, Владимир Кабо вспоминал, каким был в те годы отец Иоанн: «Я помню, как он шел своей легкой стремительной походкой — не шел, а летел — по деревянным мосткам в наш барак в своей аккуратной черной куртке, застегнутой на все пуговицы. У него были длинные черные волосы — заключенных стригли наголо, но администрация разрешила ему их

оставить, — была борода, и в волосах кое-где блестела начинающаяся седина. Его бледное тонкое лицо было устремлено куда-то вперед и вверх. Особенно поразили меня его сверкающие глаза — глаза пророка. Но, когда он говорил с вами, его глаза, все его лицо излучали любовь и доброту. И в том, что он говорил, были внимание и участие к собеседнику. Иногда в его беседах могло прозвучать и отеческое наставление, скрашенное мягким юмором. Он любил шутку, и в его манерах было что-то от старого русского интеллигента».

Рассказывая о годах заключения, отец Иоанн вспоминал о том, как горячо он тогда молился. По его словам, молитве лучше всего учит суровая жизнь. Истинная молитва была у него именно в заключении, потому что там каждый день он находился на краю гибели. «Повторить во дни благоденствия такую молитву невозможно. Хотя опыт молитвы и живой веры, приобретенный там,

сохраняется на всю жизнь. А как часто душа без слов молилась Богу!» — говорил отец Иоанн.

Вот в таких разговорах о тюремном прошлом игумен Дорофей и отец Иоанн (Крестьянкин) помирились и вновь сблизились. Однако теперь над их головами сгустилась туча. Уполномоченный, узнав о ремонте Троицкого храма, проведенном настоятелем, и об оживлении приходской жизни, очень разозлился. Он вывел отца Дорофея из штата епархии с «волчьим билетом», отобрав у него регистрацию. А это означало запрещение его в служении. А вот отцу Иоанну наказание последовало довольно мягкое. Он был переведен на новый приход, в село Летово.

Последняя служба батюшки в Ясаково была на праздник Воздвижения Креста Господня. На аналой положили крест, украшенный ветками кустарника с мелкими снежно-белыми плодами. На всенощной

отец Иоанн с грустью помазывал своих, уже бывших, прихожан. Хор пел «Крест начертав Моисей...». По окончании службы батюшка воздвиг над головой крест, а потом благословил им народ. В храме стояла печальная тишина, у многих на глазах были слезы. Все понимали: это — прощание! Так символично благословил Господь Своего раба иерея Иоанна Крестом на дальнейший путь в новый храм, к новым прихожанам.

Убрали отца Иоанна из Ясаково, но два года его служения там дали свои плоды. Приходская жизнь пришла в движение, люди в округе вновь стали тянуться к Церкви. Да и Троицкий храм преобразился, привлекая к себе ангельской белизной и необычными иконами, установленными в нишах наружных стен. Но, конечно же, не только внешнее и внутреннее убранство храма было плодом деятельности отца Иоанна в Ясаково. Главным было убранство

Матерь Божия чистоту любит

душ его паствы, чистота их сердец и помыслов его духовных чад, которым он часто говорил: «Матерь Божия чистоту любит, и чистые сердцем Бога узрят!»

Содержание

ЛАДОНЬЮ СОЛНЦЕ НЕ ЗАКРЫТЬ

*Рассказы об архимандрите Иоанне
(Крестьянке)*

Для пользы Церкви, для блага дела	7
Матерь Божия чистоту любит	15
Иван Большой и Иван Маленький	44
«Шагом марш на море!»	92
В медвежьем углу	116
Ладонью солнце не закрыть	140

РЯЗАНСКИЙ «ИЗРАИЛЬ»

*Рассказы об архимандрите Авеле
(Македонове)*

Ножницы и рулон ткани	179
Детская «часовенка»	185
Успение и крест из реек	190
Или галстук, или вера	199

Содержание

Крест-мощевик и «Богово масло»	207
Почему фашисты не взяли Рязань	215
Рязанский «Израиль»	226
Феодосия-мученица	233
Прозорливый архиерей	237
«Дьякона часов не читают»	248
Первый рязанский постриженник	259
Бог в соседней комнате	269
Рубанком по иконе	275
Тюшевские чудеса	282
Почему мы иконы почитаем	293
Теплые ручки Божией Матери	310
«Шарлатан XX века»	324
Материнское сердечко	330
Какому богу молиться надо?	339
«Святой мальчик»	346
Прощальная проповедь	353
Труды игуменские	359
Что значит фамилия Македонов?	371
Ревнитель памяти блаженных	386
Дарья, Марья, Акулина... ..	395

Содержание

Чудо после дефолта.....	407
«Шеллапутка» и генерал	419
Дары духовные.....	424
Доверяй, но проверяй.....	434
Как спасти свою душу	447
«Христос — наше Солнышко».....	457
Всему приходит конец	466

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ВЛАДЫКОЙ?

Рассказы о митрополите Симоне (Новикове)

Хорошо... ..	479
«Дар чудный, дар бесценный»	492
Босиком в храм	507
«Я посох мой доверил Богу»	520
«Академия Духа»	531
Благие плоды просвещения	548
Небо становится близким	559
Божие водительство	576
Смирение добротой дышит	591
Легко ли быть владыкой?	607

Содержание

Сила Божией благодати	625
Свеча на подсвечнике	636
Великие перемены	653
«Еще о нас печалуется Троица»	667
Для ума и для души	687
Не нам, Господи... ..	702
«Суров монашеский приют»	712
Знаки Божией милости	733

